

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Екатерины Александровны Баракат «Историко-литературные и рецептивные аспекты прозы В. В. Набокова», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Проблема существования литературы как посредника, а возможно, и «потерпевшего» в пространстве межкультурного диалога не является новостью в науке. Перевод как форма рецепции чужой культуры давно и всерьез изучается как лингвистами, так и литературоведами. После своеобразного поворота российской гуманитарной науки на Восток и восполнения долго существовавших лакун можно говорить о достаточно объемном представлении о функционировании отечественной литературы в инокультурных средах. Однако расширение взгляда на рецепцию русской литературы в англоязычных странах сохраняет **актуальность**. Тем более что в своей диссертационной работе Е.А. Баракат избирает особую исследовательскую призму. **Новизну** исследованию должно обеспечить обращение к категории «межкультурного пространства», которое открывается только в ходе перевода и пребывает имплицитным до этого акта.

Следует отметить, что уникальность исследованию во многом обеспечивает и сам избранный автор. Поскольку в мировой литературе сложно назвать фигуру, столь легко и правомочно называющую своими несколько национальных литератур и культурных традиций, как Набоков. Но две исключительности, исключительность метода и исключительность объекта, провоцируют на сложное, если не ложное допущение. Обращение к автопереводам как продукту иной культуры предполагает невольное раздвоение писателя. В работе ставится задача уловить разные облики этого литературного Протея, определить стилевые, литературные, идеологические лики русскоязычного Сирина и американца Набокова. При этом автору

действительно удастся показать, что Набоков прагматически учитывал политические и литературные реалии, в которых появлялись его произведения, «силу течения» литературного процесса он ощущал на себе и не всегда выбирал стратегию сопротивления. Горизонт читательских ожиданий: осведомленность о фактах истории литературы, литературная репутация собратьев по перу, общий политический настрой – влиял на его писательскую практику.

Но при всех достоинствах выбранной оптики и даже весомости достигнутых с ее помощью результатов, ее выбор и применение вызывают вопросы.

Центральным в работе становится понятие «межкультурного пространства», причем если его связь с аспектами рецепции, указанными в названии диссертации, ясна, то возможность раскрыть с помощью подобного подхода «историко-литературные аспекты» произведений Набокова вовсе не очевидна, хотя в итоге и в этом аспекте метод приносит плоды. Думается, работе в целом недостает четкости в формулировании центральных категорий, особенно «титულных» для самого исследования.

Методология работы ориентирована на идеи рецептивной эстетики. Первая глава содержит скрупулезный обзор работ Х.Р. Яусса и В. Изера. Статья последнего “On Translatability: Variables of Interpretation” задает центральные категории исследования. Однако очевидно, что в ней ученый поднимает проблему кросскультурных исследований и использует термин “translatability” далеко не буквально. Переводимость необходима, по его мнению, и для различных субкультур, пользующихся общим естественным языком, и для национальных традиций, являющихся языком лишь в широком смысле. Уточнение узкого, буквального, понимания термина «переводимость» могло бы быть прямо обозначено автором, тем более, что работа В. Изера очевидным образом предполагает и такое прочтение как частный случай. Также хочется отметить, что связь проблемы переводимости, границ читательской рецепции и культурных доминант

эпохи, породившей тексты, системно раскрыта в лекциях В. Изера, прочитанных в Московском государственном университете и изданных в переводе на русский язык в книге «Проблема переводимости: герменевтика и современное гуманитарное знание». Учет этого труда мог бы помочь в работе, призванной осветить не только рецепцию, но и историко-литературные аспекты произведения.

В качестве гипотезы, определившей внутреннюю рубрикацию глав, высказана идея о наличии в произведениях В.В. Набокова трех типов межкультурного пространства: «Межкультурное пространство стилевого типа характеризуется имплицитными смыслами, появляющимися благодаря использованию стилистических приемов. Межкультурное пространство идеологического типа включает в себя подтексты, связанные с эмоционально окрашенными оценками Советского союза (в противопоставление дореволюционной России). К литературному типу межкультурного пространства относятся скрытые смыслы, связанные с литературными аллюзиями» (с. 18). Очевидно, что автор работы допускает логическую неточность, приравнивая сущность идеологического типа межкультурного пространства к его содержанию, которое еще только должно быть выявлено далее. Подобная шероховатость усложняет перенесение предложенной классификации на другой материал.

Основная часть работы посвящена выявлению специфики межкультурного пространства на основе сопоставления оригинальных авторских текстов и их переводов. Е.А. Баракат обращается к принципиально разным случаям: к авторскому переводу романа «Отчаяние»; двойному переводу, «перепереводу» (термин Набокова с. 115), когда авторский замысел развернулся в любимую автором спираль и после «Conclusive Evidence» появились русскоязычные «Другие берега», а затем образы опять реинкарнировали в англоязычном тексте «Speak, Memory». Последняя глава диссертации обращена к анализу межкультурного пространства, ставшего результатом перевода романа «The Original of Laura» Геннадием Барабтарло.

Диссертация содержит множество ценных наблюдений, позволяющих указать важный путь трансформации литературного межкультурного пространства в переводах Набокова. Это экспликация подтекстов, их если не прямая, то едва прикрытая анаграммой атрибуция, которая сменяет стилистические микропародии, господствовавшие в русском оригинале. Особенно часто в пародийном зеркале отражался нелюбимый Набоковым Достоевский.

В первой главе Е.А. Баракат пристально исследует формы повествования, прикрепленность фрагментов к сознанию повествователя или выглядывающего из-за его спины автора, что позволяет убедительно говорить о нарастании абсурда в переводном «Despair». Исследователь останавливает внимание на сильных позициях текста перевода, отсутствовавших в оригинале и перепрограммирующих его рецепцию. Это авторское вступление и доработанный финал, усиливающий элементы театральности. Названные особенности Е.А. Баракат считает свидетельством смены литературной парадигмы. Экспрессионизм и даже экзистенциализм остались в прошлом, потому и герой невольно меняет свою литературную генеалогию, от пародии на сверхчеловека спускаясь к всечеловеку, Hermann, «господину мужчине». Выявленное влияние на рецепцию, в том числе и авторскую, историко-литературного потока следует признать важным достижением избранного метода. В то же время спорным представляется отнесение перевода к новой литературной парадигме – к постмодернизму. Хотя вектор движения задается направлением «модернизм – постмодернизм», по словам самой Е.А. Баракат, автор «в переводе <...> не только не теряют свою силу, он становится еще более могучим» (с. 107). Так, Набоков остается стоять на краеугольном камне модернизма и не снимает с себя полномочий полновластного распорядителя собственной художественной вселенной.

При сопоставлении во второй главе трех вариантов автобиографической прозы наиболее ценными оказываются выводы,

связанные со стилевым типом межкультурного пространства. Приоткрывание потусторонности происходит с помощью разных лексических средств. Исследователь находит подтверждение набоковской фразе о «музыкально недоговоренном русском языке», противостоящем «обстоятельному английскому». «Набоков исключает довольно размытые образы “шепота вдохновенных суеверий”, “безграничного прошлого”, “томления”» (с. 125) из описания потусторонности. Сама эта категория оказывается в англоязычных версиях более зримой и предметной, в русской – туманной и эмоционально-окрашенной. Думается, продолжение подобных наблюдений способно уточнить представление о набоковской онтологии.

Последнюю главу следует признать наиболее успешным применением методологии, которой инспирирована вся работа. Поиски и просчеты переводчика, Г. Барабтарло, позволяют четче осознать отказ позднего Набокова от ориентации на язык рубежа XIX–XX вв. и устаревшие поэтизмы, помогавшие ему выстроить мостки традиции в русскоязычных произведениях. Закономерен вывод, что в переводе Г. Барабтарло происходит «смещение хронотопов» (с. 186). Удачной должна быть признана характеристика стилистической задачи переводчика, не обеспечившей ему успеха: «Барабтарло играет с текстом, он старается вжиться в него, вписать его в контекст набоковского творчества, теряя местами, как бы это не было парадоксально, связь с оригиналом» (с. 195).

Отметим, успех последней главы как раз подчеркивает проблемность предыдущих. Если Г. Барабтарло выступал истинным читателем-переводчиком, в ходе диалога с текстом проблематизировавшим многие аспекты его организации, позволяющим заметить неотбитые авторские пассы, то восприятие самого Набокова как читателя-переводчика собственных текстов является позицией более уязвимой. Во всяком случае особенность авторского перевода, где само участие автора санкционирует любое изменение, нуждается, по моему мнению, в специальной оговорке. Следует поставить вопрос, может ли авторский перевод рассматриваться как

рецепция оригинала или должен расцениваться как его равноправный вариант.

Несмотря на замечания, высказанные в рецензии, считаем основные выводы, к которым приходит в диссертации исследователь, обоснованными. Итак, диссертационное исследование А.Е. Баракат представляет собой серьезную научную работу и соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, согласно пп. 9-11 и 13-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 за №842.

Автореферат и 7 публикаций соискателя, в том числе 3 статьи в журналах, рекомендуемых ВАК РФ, в полной мере отражают содержание рецензируемой диссертации. Автор диссертации заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

Доктор филологических наук (10.01.01),
профессор, профессор кафедры истории
новейшей русской литературы
и современного литературного процесса
филологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
Леденев Александр Владимирович

Подпись проф. А.В. Леденева заверяю:

19991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, филологический факультет. Телефон(495) 939-32-77. E-mail contact@philol.msu.ru

13.02.2024

6

Подпись заверяю

